

реанимация истории

Как бандеровцы с Гитлером поссорились

стр 2

уроки экономики

Закат страны восходящего солнца

стр 6

Точка ру

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

№14
2008

анализ ситуации

Пособие по самоликвидации

Концепция «Ганзейского союза» богатых мегаполисов предполагает превращение большей части территории РФ в пустыню

Завершая круг искушений и мытарств, занявших пятнадцать лет (а кажется, что куда больше), Россия наконец-таки выходит на рельсы последовательного и осмысленного развития. В финансовой сфере, хоть всего лишь на три года, но что-то планируется наперед; инвестиции начинают давать прибыль, средства на региональное развитие

— доходить по назначению. Государство сняло с себя петлю многомиллиардного внешнего долга и теперь похозяйски решает, как воспользоваться сверхприбылью с пользой для потомства.

Качественный сдвиг, как теперь уже совершенно очевидно, зарождался не в той сфере, которую в старых учебниках было при-

нято называть базисом, а как раз в «надстроечных» политических институтах, где после бессмысленных и крайне болезненных попыток привить национальному телу чужеродные трансплантаты решено было, отныне и надолго, вернуться к самим себе, к своей исторической, географической и культурной самости.

стр 4

иллюзии и реальность

Запрещённая идеология

Мне всегда хотелось понять: чем все-таки отличается запрещенный «национализм» от разрешенного «патриотизма»? Октябратские и пионерские ответы

про «любовь к своему народу» и «ненависть к чужим» давайте оставим организаторам «уроков дружбы».

стр 2

государство

Малые города

Малые города России... Как много чувства будят простые три слова. Какое ощущение счастья на момент посещает изношенную душу: как воспоминание из детства.

Малые города — особая социальная и культурная ниша, особый хозяйственный уклад, особый тип жизненных планов.

стр 3

симптомы будущего

Под властью маньяков

ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕГРАДАЦИИ

«В 26 раз выросло количество сексуальных преступлений против малолетних за последние шесть лет». Эти данные в марте 2008-го появились в печати, прозвучали по ТВ. И — ничего. Уже забыли.

Бешеный рост самой грязной и жестокой преступности произошел именно в те годы, которые гордо названы годами стабильности, экономического процветания, торжества государственности. «Россию стали

уважать!» — вот самый скромный комплимент, который постоянно произносит сама себе власть и ее поклонники.

стр 7

Информацию о подписке и распространении можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru или по эл. почте redaktor@orossii.ru

Михаил Ремизов

Запрещенная идеология

«ПЛОХОЙ» НАЦИОНАЛИЗМ — «ХОРОШИЙ» ПАТРИОТИЗМ

Впрочем, помимо множества фальшивых, у власти есть один вполне внятный ответ на этот вопрос. Он гласит, что патриотизм как апелляция к стране, которая у нас общая, объединяет граждан, а национализм как апелляция к этносу, которых у нас много, — разделяет.

К сути этого тезиса мы вернемся чуть позже. Но причину, которая не позволяет принять его за основу, можно назвать уже сейчас. Полагать, что патриотизм и национализм относятся к разным объектам (в одном случае — «Родина», в другом — «нация»), нет никаких оснований. Представление об общей Родине — важный аспект воспроизводства нации (или этноса, не ставшего нацией) и, наоборот, лояльность Родине приобретает обычно «по праву рождения». Иными словами, мы не сможем найти двух разных объектов для «плохого» национализма и «хорошего» патриотизма, они оба служат воспроизводству национальной общности, правда, исполняя в этом процессе разные функции.

Что представляет собой патриотизм как социальная функция? Что значит «любить Родину»? Это значит: связывать себя с системой символов, маркирующих некую общность истории и жизненного пространства, к которой ты принадлежишь от рождения. Иначе говоря, патриотизм обеспечивает связь человека с символами национальной общности (самыми разными — включая, например, широту пространства, столь важную для русских). Это, в общем-то, вертикальная связь — мир культурных образов, через которые происходит социализация человека, — не сводим ни к кому в отдельности и даже ко всем вместе, он «приподнят» над нами, как социологический эквивалент божества. Национализм, напротив, — скорее «горизонтальная» связь человека с другими людьми, опосредованная символами национальной общности. Это, кстати, вполне созвучно шаблонному восприятию национализма как агрессивной «групповщины», в противовес «личностно» ориентированному патриотизму.

Патриотизм действительно увеличивает масштаб личности, но слишком часто оставляет ее наедине с духовной вертикалью «Я и Родина». И, в конечном счете, он совместим с атомизацией. Национализм, наоборот, требует «выхода в поле». Он и есть, если хотите, определенная форма требовательности в отношениях с другими людьми. Общность «возвышенного наследия» он переводит на язык повседневных требований друг к другу. Эти требования могут быть разными, но сам факт их наличия многих отпугивает — неудобно требовать что бы то ни было от «сторонних людей»...

Итак, сегодня разрешено любить Россию по праву рождения, запрещено требовать преимущественной солидарности с теми, кто также любит Россию по праву рождения. Во-первых, потому что это требование дискомфортно для людей: каждый второй объяснит вам, что его отношение с Родиной — глубоко личное дело, и они не могут служить основанием для дополнительных социальных обязательств. Во-вторых, потому что оно дискомфортно для власти, сделавшей ставку на атомизирующие технологии контроля.

Впрочем, с «властью» все несколько сложнее. Сказать, что она терпит патриотизм как естественное человеческое чувство и табуирует национализм как «социальную эксплуатацию» этого чувства — было бы не совсем точно. Вернее будет сказать, что она практикует несколько иную, нежели предполагает национализм, форму «эксплуатации» патриотиче-

ского чувства. Причем речь, конечно, не только о «путинской» власти — хотя именно она придала формуле «патриотизм против национализма» особую рельефность.

Прежде всего, уточним: как вообще связаны «патриотизм» и «власть»? Ответ вполне очевиден. Те символы национальной общности, с которыми человека связывает патриотизм, в современных обществах являются не просто символами, но официальными институтами государства-нации. Соответственно, лояльность к стране переносится на лиц, действующих в теле этих институтов. Таким образом, патриотическое чувство «вертикально» не только в смысле приверженности надличностному, но и в более привычном смысле. Оно связывает человека с теми, кто уполномочен говорить и действовать от имени его страны. Национализм, разумеется, не отвергает эту логику представительства, но дополняет ее логикой прямой ответственности каждого за сообщество в целом. Субъектом присущей национализму взаимной требовательности может и должен быть каждый. Кстати, не все это понимаем, поэтому националисту так часто приходится слышать: «а ты кто такой, чтобы за нацию говорить?»

Здесь мы можем сделать второй подступ к нашему вопросу. Итак: разрешено опереживать тем, кто уполномочен действовать от имени сообщества, запрещено действовать от его имени самому. Национализм — это «первичная власть» и «первичная солидарность», которые позволяют народу существовать вне и помимо представляющих его официальных институтов. Для «управляемой демократии» это безусловный криминал. Как учит один из ее идеологов, «после того, как государство учреждено, говорить о народе означает переходить в какое-то другое пространство, сказочное, мифологическое. До учреждения следующего государства. В промежутках есть граждане, избиратели, социальные партии — нет никакого народа. Я не знаю, кто это».

Мне возражат, наверное, что к национализму данная реплика не имеет никакого отношения, так как оратор имел в виду народ в «социальном», а не в «национальном» смысле. Но в действительности эти смыслы не представляли и не представляют собой ничего принципиально различного. Можно сколько угодно иронизировать над глупой сентиментальностью того понятия «народ», которое подразумевается любителями «хождения» в него. Но чтобы изжить этот оттенок сентиментальности, народнику достаточно осознать предпосылки собственного мировоззрения. Признаться себе в том, что настоящей основой небезличного отношения «людей элиты» к «простым людям» является этика и психология национализма. Повторяю: национализм — горизонтальная солидарность на основе культурно опосредованных представлений о родстве. Что значит в данном случае «горизонтальная»? Это значит, в частности, что в нее включены в одинаковой степени и «низы», и «верхушка» общества. Национализм — уникальная в истории идеология, постулирующая братство «правящих» и «подвластных», «элит» и «масс», но не требующая при этом стирания различий между ними. Ведь братство покоится не на тождестве, а на родстве.

Попутно отметим, что основанием для «родства» может выступать не только этнический признак, но и другие значимые признаки, передаваемые от поколения к поколению. Например — вероисповедание. В этом смысле, мы вполне можем говорить о феномене православного национализма при условии, что принадлежность православию выступает основанием для преимущественной солидарности между «своими» (поли-

тической, социально-экономической, бытовой и так далее), поверх всех социальных различий. Была эта солидарность в России? Да, безусловно. И, разумеется, именно трещина, прошедшая по ней в послепетровское время, стала причиной русского революционного «народничества». Народничество, если угодно, — это реакция национализма на хроническую социальную несправедливость. На ущемленное положение людей, с которыми тебя связывает родство. Еще раз повторю, «народнику» очень важно понять это, чтобы излечиться от синдрома «расщепленности», отделенности от «народа» и перевести свою солидарность с ним из невротического в политический план.

ПАТРИОТИЗМ БЕЗ НАЦИОНАЛИЗМА — ЛЮБОВЬ БЕЗ ВЗАИМНОСТИ

Учитывая ситуацию вопиющей социальной несправедливости, наш сегодняшний национализм не может не быть народническим. О природе этой несправедливости и о националистической реакции на нее следует говорить отдельно. Пока же нас интересует логика табу, накладываемого властью на национализм. Поэтому вслушаемся еще раз в признания Павловского. «Устойчивой патологией оппозиционной среды, — продолжает он, — уродством, исключаящим допуск ее к управлению, является народническая философия». Лучше не скажешь! Этот пункт является одинаково важным и для нас, и для них, значит, ответ на поставленный вопрос совсем близко. «Разрешенный» патриотизм — это солидарность населения с правящей элитой. Запрещенный «национализм» — это солидарность элиты с людьми своего народа. При всем многообразии функциональных различий, в которые можно углубляться, именно этот момент является здесь и сейчас наиболее важным.

Резонно спросить: почему запрет на солидаризм так важен для правящей элиты? Это сложный и отдельный вопрос, скажем лишь о самом очевидном. Существуют две вещи, дисциплинирующие элиту и интегрирующие ее в общество. Это традиция и мобилизация. Элита, не знающая ни того, ни другого, обречена на «устойчивые патологии». В частности, чтобы обосновать свой статус в собственных глазах, она культивирует «пафос избранныости», заменяющий ей «этику ответственности» и проявляющийся в самых разных формах. Здесь и богемная, гедонистическая субкультура, и драйв авторитарного цинизма, и даже квазирелигиозные представления, варьирующие от банальной «религии успеха» до декадентского поклонения «Денище». Все это создает барьер между «правящими» и «подвластными», ощущение принадлежности к разным биологическим видам.

Разумеется, для работы с публичными ресурсами, то есть для политики подлинная идеология элиты не вполне пригодна, поэтому так важна идеология как «формула убеждения». И формула, наконец, найдена: «патриотизм без национализма». То есть, согласно нашему переводу: любовь без взаимности.

Тот, кто скажет, что «это не сработает», будет не совсем прав. Это уже работает. Притягательность заведомо неразделенной и платонической любви — отнюдь не удел одиноких мазохистов. Она захватывает широкие массы. Например, есть такое явление, культивируемое у нас и действительно принятое обществом, — «спортивный патриотизм». Вот он, пожалуй, является идеальной моделью пресловутого «патриотизма без национализма». Что делает население, охваченное этим возвышенным чувством? Оно «болеет», сидя дома или на стадионе. Сейчас не будем говорить о том, что одни «болеют за

страну», а другие «бегают за деньги». Конечно, этот нюанс накладывает свой отпечаток на все, но даже искренность игроков (спортсменов или политиков) ничего не меняет в сути дела. «Спортивная» модель патриотизма предполагает солидарность наблюдателя с актором, не допуская ни обратной солидарности, ни возможности для наблюдателя перейти к действию.

Можно, конечно, вспомнить о спортивных фанатах, которые как раз переходят к действию. Но именно их пример является курьезным, саморазоблачающим симптомом спортивного патриотизма. В официальном языке противопоставление «плохих фанатов» и «хороших болельщиков» абсолютно аналогично противопоставлению «хороших патриотов» и «плохих националистов». Чего хотят фанаты? Они хотят не только болеть за свою команду, но и «подписываться» за нее (в сленговом смысле слова). Они хотят активной солидарности, там, где предисана лишь пассивная. Кстати, это очень похоже на попытку некоторых «патриотов» мобилизоваться на защиту играющей в свои игры власти. У нас вся страна «болеет» в «газовой войне» за «Газпром», но лишь единицы умудрились стать его «фанатами». Здесь скажется какая-то удивительная нечувствительность к «правилам игры»... Если любящий спорт — не надо идти за него умирать, если любящий деньги — не надо признаваться в любви к кассовому аппарату. Все это трогательно, но никому не нужно...

Найти активную солидарность в мире спортивного патриотизма — нельзя. Из него можно только выйти. Поэтому к черту спорт.

НАЦИОНАЛИЗМ НЕОБХОДИМ

Осталось вернуться к началу статьи и решить, как все же быть с «официальным ответом» на наш вопрос. С разговорами о том, что в России не только русские живут, а значит, требование преимущественного учета их интересов (например, в сфере миграции, занятости, образования, культурной среды) есть антигосударственная деятельность. В свете сказанного, оценить этот аргумент не так сложно. Он представляет собой попытку сослаться на другие народы, чтобы не иметь отношения к собственному. Концепция «многонационального народа» — всего лишь эвфемизм, означающий право многонационального правящего слоя использовать эту территорию как ничейную. Это не устраивает и русских, и многих других... Поэтому первоочередной задачей, вопросом нашей жизни и смерти, является не «интеграция общества», призраком которой так гордится власть, а интеграция элиты в общество. Для решения этой задачи национализм абсолютно необходим (хотя и не достаточен): как единственно сильная идеология солидарности, как стратегия закрепощения правящего слоя. Вне и помимо национал-солидаризма население обречено оставаться для элит балластом на пути в «глобальное общество».

Представляю себе усмешку скептика: разве может «идеология» быть решением «реальных проблем»? Да, может. Идеология — это не «наука убеждать», как думают политтехнологи. Это осмысление и проектирование коллективного опыта. Соответственно, и национализм — это не возгонка риторики, призванная вызвать взаимное «духовное притяжение» элит и масс, а проектирование таких ситуаций, в которых они объективно нужны друг другу. Такие ситуации обычно называют «мобилизацией». Военной? Революционной? Трудовой?.. Вариантов совсем немного. Подумаем о них на досуге.

Сергей Кара-Мурза Малые города

Особая сложная система, часть страны, живущей в трех пространствах – пространстве деревни, малых городов, больших городов. Как опирается Россия на малые города и что с ними происходит сегодня, когда мы мечаемся в поисках пути, по которому должны куда-то прийти в конце нашего «переходного периода»?

В городах с числом жителей от 10 до 100 тысяч проживают в РФ 32 млн. человек, в городах с населением от 100 до 500 тысяч – 29 миллионов. Это около 42% населения РФ. Количественная сторона важна, но мы будем говорить о качестве, о той особой роли, которую играют малые города в нашей национальной судьбе.

Вспомним близкие, знакомые малые города России. Каждый согласится, что очевидной чертой их «ландшафта» является близость к деревне и тесная связь с сельским образом жизни. И в то же время это город, так что вся организация жизни людей следует нормам не деревни, а города. Вспомним облик типичного малого города, как он сложился за последние два века. Река, монастырь на высоком берегу, утопающие в садах дома, площадь с государственными зданиями и памятником павшим землякам, вокзал, а omkring заводы с рабочими поселками, огороды, а дальше поля и леса.

Отсюда, на мой взгляд, и вытекает главный смысл малых городов. Он в том, что в их культурном пространстве соединяются крестьянское и городское мироощущение. Возникает уникальный мировоззренческий сплав – космическое чувство крестьянина тесно переплетено с городской рациональностью и расчетливостью. И дело не в количественных пропорциях этих духовных свойств. Их взаимодействие в душе жителей малых городов достигает гармонии, при которой сами эти свойства меняются. Жители малых городов – особый культурный тип.

Этот тип стал одним из главных устоев нашей цивилизации, ключевой частью того культурного ядра, которое соединяет всех нас в народ. Если представить себе катастрофу, при которой эта часть была бы выдернута из нашего культурного ядра, то видно, что все оно рассыпалось бы. Это была бы катастрофа распада культуры. Мы говорим прежде всего о русском народе, но в XIX веке этот культурный тип приобрел более широкие черты, потому что значительная часть и других народов России перешла к городскому образу жизни и прежде всего в малых городах.

Россия выпала счастливая и трагическая судьба. Находясь, по словам Менделеева, «между молотом Запада и наковальней Востока», мы периодически вынуждены были предпринимать усилия по форсированному развитию, чтобы отвести смертельные угрозы. Счастлива наша судьба потому, что всякий раз нам удавались такие рывки без пресечения нашего культурного корня. Даже в моменты тяжелых потрясений мы не отказывались от самих себя, не теряли своего языка и веры, не становились ничьей духовной колонией. Эту гибкость и устойчивость нам и придавал массовый культурный тип малых городов. Тотальное преобладание крестьянского видения мира не дало бы нам достаточных человеческих ресурсов для быстрой модернизации. Полный отрыв города от земли привел бы к утрате космического чувства и господству собственного мегаполису космополитизма – и мы бы не устояли против культурного империализма Запада. Малый город соединял деревню и мегаполис, держал их в лоне быстро развивающейся российской цивилизации.

Зачем для модернизации и развития космическое чувство крестьянина? Ведь поднялась могучая цивилизация Запада именно через раскрещивание, через превращение крестьянина в фермера-буржуа и сельского пролетария, а Матери-земли в обычное средство производства, предмет купли-продажи. Запад лишил мироздание святости, заменил Космос холодным ньютоновским пространством, а человека низвел до положения индивидуума (т.е. атома). И ничего – все умеет подсчитать, взвесить, разложить.

Да, многим нравится западный тип жизни, где, по словам западного же философа, «знают цену всего, но не знают ценности ничего». Это дело вкуса. Хотя, думаю, большинству нравится это по незнанию. Думают, что Запад – та же Россия, только поудобнее: все говорят на иностранных языках и ездят исключительно на иномарках. Но даже если так, судьба наша была определена тысячу лет назад, и уже в XVI веке мы стали для Запада «хуже Турции». Пришлось идти своей дорогой, а она такая, что нам надо было за десять лет решать те задачи, на которые Западу история дала сто лет.

По деньгам, отпущенным для решения одинаковых задач, разница была уже в сотни раз. А уж это никак было бы не осилить, если бы утратили космическое чувство и «естественный религиозный орган» – способность ощущать святость Общего дела.

Запад, усевшись на шею колоний и «третьего мира», мог позволить себе стать безрелигиозным, а у нас каждое серьезное дело было не бизнесом, а почти подвижничеством. Весь труд русского пахаря – подвиг. Как говорят богословы, его труд имел литургическое значение – крестьянин, ведя свою борозду, был в прямом общении с Богом. Иначе ему было не справиться. Огромная масса людей в нашей истории вошла в современные виды труда и службы через культурное пространство малых городов, и это пространство не задушило ни их «естественного религиозного органа», ни космического чувства. А попадая сразу в мегаполис, и такое могло бы произойти.

Конечно, это не привилегия России. И в других странах известно это свойство малых городов – давать молодым людям особую духовную силу и особый взгляд на мир. Вот США – самый-самый Запад. А оказалось, что две трети ученых США (не считая, конечно, иммигрантов) – выходцы из малых городов. Здесь ставился их разум, острота взгляда и спокойное упорство. Этому помогла и близость Природы, и образ жизни. У нас такой переписи ученых не было, но из личного опыта видно, что та же история. Малые города – воспитанники тружеников науки. Другая похожая на науку служба, которая питается из малых городов – воинская. Отсюда черпало свое пополнение русское офицерство во времена дворянства, а во многом и в советское время.

Но мы знаем и как хрупок мир малого города для людей, которые именно здесь начинают свой путь в современные сферы деятельности. Многие начинают страдать от узости возможностей, задаются в полукрестьянском укладе. «В Москву! В Москву!» – стонали чеховские три сестры. Москва для них была образом Европы, и их сформированная европейским образованием душа не находила себе пищи в провинциальном городке.

Форсированная индустриализация СССР поневоле опиралась на крупные города. При острой нехватке ресурсов только здесь можно было создать необходимую плотность и структурную полноту кадров, культурных и трудовых ресурсов. «Одноэтажный» СССР отставал в развитии и модернизации. Война и перегрузки послевоенного восстановления отодвинули назревающий кризис малых городов, а с середины 60-х годов уже велась целевая программа по предотвращению этого кризиса. В малых городах создавалась сеть современных предприятий – отделений и цехов крупных заводов и комбинатов. Молодежь получила доступ к рабочим местам с высокой технологией, увеличилась и подвижность работников – стали много ездить к смежникам, на обучение, для наладки и ремонта у пользователей. Эти десятилетия были и временем бурного развития научно-технической системы страны, строительства больших сооружений, освоения Севера, так что много молодых людей уезжали на учебу, стройки, в экспедиции. Проблема оторванности малых городов от большого мира была смягчена.

Все эти каналы социальной мобильности были моментально, катастрофическим образом перерезаны рыночной реформой 90-х годов. Именно малые города оказались самой незащищенной против такого удара частью страны. Внешне кажется, что деревня обеднела в ходе реформы гораздо сильнее, но формальные показатели обманчивы.

Деревенский двор стоит на земле, его главное средство производства и предмет труда – вот они. Да, тип труда изменился, когда реформа придумала крупные сельские предприятия. Как говорят, «село отступило на подворья». Регресс налицо, но нет здесь той безысходности, как в малом городе, где останавливается единственное современное предприятие или цех парализованного реформой большого комбината. Отсутствие заработка и перспектив здесь оказывается тотальным, и ощущение безнадежности давит на людей невыносимо. Они начинают метаться, ездить за тридевять земель выполнять любую работу в большом городе, бродить по стране. Молодые люди сбиваются в стаи, стоят кучками в сквере. В руке бутылка пива, в глазах тревога. Работодателем становится криминальный мир.

Давит и демонстрационный эффект большого города. Он всплывал, как будто оттолкнувшись ногами от тонущих малых городов и села,

растлеивает и одновременно обозляет захвативших поглядеть на «настоящую жизнь» молодых людей. Ведь ножицы в возможностях, которые предоставляют столицы и райцентры, раздвинулись до размера пропасти. Как будто у больших городов образовался свой «третий мир». Он еще не свалился до уровня трущобы, но во многих регионах дело идет к этому. Да и между самими малыми городами возникли разрывы. У одних зарабатывало предприятие или возникли модные дачные места на водохранилище – тут жизнь задышала. Через тридцать километров другой такой же городок погружается в трясину. Распадается ткань всей сети малых городов, которая скрепляла страну.

Пока что среда обитания десятков миллионов жителей этих городов поддерживает инерция старых систем – какое-то производство, школы, больницы, воинская часть. Стоят еще дома, хотя уже валится с потолка штукатурка, работает котельная, хотя и с перебоями. Но не видно никакого импульса к возрождению, в брошенных цехах уже и стекла из окон разворовали. Будет ли это скольжение в никуда равномерным и спокойным?

Нет, не будет! Эта безысходность чревата потрясениями, и они зреют, как нарыв. Какое-то время люди надеялись, что эта напасть временная и жизнь наладится. Сейчас видно, что положение стабилизируется, но даже золотой дождь нефтедолларов не дает ни капли для оживления малых городов как системы. При нынешнем рынке они действительно превращаются в «третий мир» с его порочными кругами.

В то же время телевидение с его идеологизированной рекламой и наглядный образ жирующей столицы раздували в молодежи малых городов болезненные и несбыточные желания. Отброшены свойственные малым городам неприязнительность и спокойствие жизненных планов, кризис заставляет хватать наслаждения здесь и сейчас. Возник «культ иномарки»: молодые люди убивают время и скудные деньги, покупая, ремонтируя и продавая поношенные «тойоты» и «фольксвагены». Но этот суррогат деятельности не успокаивает. Закупоренные наглухо каналы социальной мобильности создают у молодых людей ощущение, что они навсегда заперты в каком-то гетто, что их город как будто выброшен из страны на обочину жизни. И никаких форм борьбы против этой наползающей серой млы нет. Даже политика, какая-никакая, – там, в Москве, этом «сняющем городе на холме». Уж это действительно «зняющие высоты».

Инерция старых норм и старой культуры иссякает, и ее тормоза скоро откажут. Тогда и прорвется нарыв. Как прорвется, мы не знаем. Никто не мог предугадать, что подростки в гетто малых городов-спутников блестящего Парижа станут для своей психологической разгрузки жечь автомобили. У нас автомобили, видимо, жечь не будут, это пока что культурный предмет. Но ведь еще много чего можно поджечь или взорвать.

Некоторые успокаивают тот факт, что в городах Франции машины жгут темнокосые подростки, а у нас таких нет (или они-то как раз мобильны и заперты себя не чувствуют). Но это ложное успокоение. «Новые гуны» в предместьях Парижа вовсе не движимы оскорбленными чувствами араба или мусульманина. Нет у них ни национальной, ни религиозной, ни классовой мотивации.

Городки, превратившиеся для них в гетто, из которого нет нормального выхода в большой мир, формировали из этих юношей и подростков что-то вроде особого племени, не имеющего ни национальной, ни классовой принадлежности. Это племя враждебно окружающей их цивилизации и презирает своих отцов, которые трудятся на эту цивилизацию и пытаются в нее встроиться. У этого племени нет ни программ, ни конкретного противника, ни даже связанных требований. То, что они делают, на Западе предсказали еще десять лет назад как «молекулярную гражданскую войну» – войну без фронта и без цели, войну как мсть обществу, отбросившему часть населения в трущобы.

Разве не идет в наших малых городах формирование подобного племени? Разве мы не переняли у Запада этой его болезни, отягощенной у нас разрухой хозяйства? И племя «гуннов» формируется, и нарыв зреет. И ни увеличением штата МВД, ни песенкой о «равных возможностях» этого процесса не остановить. Равные возможности для малых городов надо реально создавать – это должно стать нашим срочным «национальным проектом».

kara-murza.ru

Константин Черемных Пособие по самоликвидации

Конец межвременья, деликатно именованного корифеями безудержного рынка «переходным периодом», отечественные интеллектуалы интерпретируют каждый по своему способу мышления. Один и тот же феномен вызывает у наблюдателя с техническими наклонностями совсем не такие ассоциации, как у гуманитария или естествознателя. Впрочем, способ мышления измеряется не только наклонностями, но и иерархией ценностей.

Образы, фиксирующие перемены в действительности, дают толчок как математическим выверенным прогнозам, так и субъективным, но улавливающим суть оценочным суждениям. Из этих образов начинают, наконец, складываться зачатки новой общенациональной рефлексии. Отсюда неизбежно явится как новая великая национальная литература, так — и в первую очередь — новая публицистика. Отечественная аудитория к этому готова, о чем говорит хотя бы тот факт, что в наших газетах упорно не приживается западное разделение на тетради — политика, новости компаний, спорт, развлечения, зато возвращается вытравленный из западной культуры философский жанр. Мы снова хотим знать, для чего мы живем и какие ставим перед собой (еще недавно едва ли не крамольное слово) цели.

ПРОЕКТ «РАСПАД»

Новое есть давно забытое старое, которое старому не может быть тождественно в силу общемирового процесса развития. Повторяя витки предшественников, мыслитель нового поколения начнет ворошить в них в поиске «железнодорожных» востребованных именно сегодня. Раскрутив прежний виток от его истока до истока и затем в обратном направлении, он отыщет тайну кризиса 1991 года, который был кризисом не только партии и государства, но кризисом всей российской цивилизации.

Самоисчерпание и преимущественное самоуничтожение прежних властителей дум приходится на глухую осень девяностого первого года, когда соприсхождение абстракта свободы с живым организмом нации дал реакцию распада, которая грозила повсеместным расщеплением вплоть до элементарных частиц. Некоторые авторы «Века XX и мира» — фактически последнего из «думовластных» изданий ушедшей эпохи — именно такой процесс себе и представляли, и более того, готовили к нему собственных читателей. Из писем в это же издание, читать которое считалось еще тогда обязательным занятием для интеллигента, явствовало, что распад может протекать и более планомерно и аккуратно, не по всем швам подряд, а по продуманному чертежу — например, по линии расщепления российского востока и запада самоопределившимися (это называлось «Идель-Урал») национальными автономиями вплоть до Крайнего Севера. У патологоанатомов это называется «разрез по Шору» — от языка до лобка.

Другая половина мыслящего сословия, привыкшая выписывать журнал «Наш современник», как раз в то же время улегалась идеями самоопределения самого себя от иноэтнического соседа. Неспешно перемещаясь в направлении, обратном вектору времени, мы обнаруживаем «включение» этой второй, равно разрушительной напасти в тот же временной промежуток, что и «включение» первой; мы обнаруживаем, что лозунг «освободимся от подбрюшья» по своей интенции абсолютно конгруэнтен лозунгу «за нашу и вашу свободу»; более того, при очень пристальном рассмотрении между некоторыми плашатами той и другой идеи мы найдем нечто общее, в том числе на уровне персональных связей. Отсюда потянутся нити к предшествующим двум поколениям, переходящие не только в параллели, но и прямые наследственные, в том числе персональные нити между теми процессами, которые обрушили Российскую империю, и теми, которые оставили нас на руинах Союза.

То, что нам казалось простым, выявит под собой ранее (старательно) не исследованное двойное дно; то, что представлялось результатами хитроумнейшего заговора целого конгломерата мировых сил, окажется итогом встречи трех или четырех дженглеменов на средиземноморской вилле. В любом случае разговор распада не окажется по своему происхождению детищем магии, или задействования энергетики особого рода. Слияние и соиздание содержится в себе куда больше тайн и куда менее политически и исторически предсказуемо.

Поименный список потенциальных властителей дум еще никому не известен, но трибуны для их обращения к русскому миру уже определены. Одна из самых серьезных заявок принадлежит обновленным «Московским новостям», где уровень проблематики почти достиг прикосновения к тайне, а

виды на будущее — проектных инициатив. Когда же глаза останавливаются на таком словосочетании, как «переосмысление устройства страны», рождается в уже подзабытой степени живой, страстный и азартный интерес: кто это говорит, и что он скажет дальше?

Говорит Вячеслав Глазычев — лицо отнюдь не из породы профессиональных суесловов, профессор архитектуры, политический консультант, социальный исследователь и отчасти телекритик. Говорит, не скрывая пристрастности и в то же время не навязывая своей позиции — как и пристало претенденту на роль властителя дум.

ГАНЗЕЙСКИЕ ОАЗИСЫ В ОБЕЗЛЮДЕВШЕЙ СТРАНЕ

В заголовке («Россия нужен Ганзейский союз», «МН» от 23 марта) вынесен проектный смысл, по существу — символ близкого автору образ будущего его и нашего отечества. В обосновании — безупречные статистические выкладки лучших специалистов по социологии, равно как и реальной экономике. Разговор абсолютно предметен, суждения не предполагают двойных толкований. Мотив разговора безупречно привязан к приоритету прогресса — «нащупывание точек, в которых возможно развитие». Новизна подхода — как минимум в предложении рассматривать эти точки не из-за зубчатых кремлевских башен, ограничивающих диапазон восприятия, а из «губернских столиц» как центров «финансов, квалификация, человеческого ресурса».

Предмет, вроде бы точно обозначенный в газетном выносе, начинает усложняться при первом прикосновении к самому тексту. На первый взгляд, автор ищет точки сшивания пространства там, где был наиболее вероятен их распад. Однако архитектура проектируемого синтеза принципиально не совпадает с географией реальных узлов распада. Единственным исключением является Казань — которая, собственно, и послужила поводом для размышлений автора.

Казань, в отличие от прочих центров национальных образований России, должна быть, по мнению Вячеслава Глазычева, включена в тот перечень из немногих крупных городов, из которых и может родиться «новый Ганзейский союз». Крупнейшим городам, настаивает автор, федеральные власти не уделяют достаточного внимания. Доказательство — отсутствие стратегии развития городов в планах, разрабатываемых субъектами федерации, кроме Москвы и Петербурга, выделенных в самостоятельные субъекты.

Автор имеет в виду города-миллионники, включая «обделенные» федеральным центром Новосибирск, Нижний Новгород, Челябинск и Казань, но исключая Уфу и Воронеж. Возможно, Уфа «привинилась» еще и тем, что в отличие от Казани, слишком далека от Волги и морей. Ханты-Мансийск и вовсе «отдыхает» за ничтожной малостью, а его доля ВВП идеологов «ганзейства» не впечатляет. Можно было бы провести действительно интересное сравнение этнокультурных и прочих человеческих ценностей в Поволжье и на Крайнем Севере. Однако этот ход мыслей не укладывается в эстетскую композицию «российской Ганзы», куда лучше вмещается академический Новосибирск, чем экономически системообразующие Уфа, Сургут, Норильск. Эстетика обгоняет смысл, не замечая, что остается на ее пути, когда после утверждения о том, что субъекты Федерации «являются абсолютным нонсенсом», один высокочувствительный субъект этой Федерации по единичному (численность жителей столицы) противопоставляется другим. Что выиграет от этого Россия в целом? Вячеславу Глазычеву, как и всему составу возглавляемой им Комиссии по вопросам регионального развития и местного самоуправления Общественной палаты России (а не отдельно взятых Нижнего Новгорода, Новосибирска и Казани), уместно адресовать этот вопрос.

Предлагаемая ставка на мегаполисы выводит Глазычевым из реальных закономерностей прошедших пятнадцать лет. За это время не только отдельные районы, но и целые области статистически обезлюдели. В связи с чем и предлагается готовить крупные города к новому наплыву людского ресурса, а обезлюдившую местность — к окончательному «закрытию» ее как среды человеческого обитания.

ПАДАЮЩЕГО — ТОЛКНИ?

Путь к «новой Ганзе» по существу представляет собою сценарий следования по течению. Не какому-то новому, рожденному вчера или позавчера, а тому процессу перемещения капитала, производства, услуг, а следовательно, и рабочей силы, которое происходило за полтора десятилетия. Оче-

видно, никаких качественных сдвигов в государстве и обществе в последние годы пристрастный автор не замечает. Ну не было ничего: ни восстановления Грозного, ни строительства порта Приморск, ни открытия Северомуйского тоннеля, ни завершения Транссибирской автомагистрали. Не было и успехов в управлении бюджетными ресурсами, в том числе в рамках приоритетных нацпроектов. Или все это существовало, но по данным автора или его источников, статистически пренебрежимо.

Более того, ожидать эффекта от всего вышеназванного, согласно автору, не имеет смысла. Живут же, в самом деле, Канада и Австралия, «рассматривают 90 процентов своей территории как эффективную пустыню и не нервничают по этому поводу». Автор считает, что огромные зоны России «на пару поколений останутся экологически запустевшими», в чем «нет ничего плохого».

«Ганзейское развитие» — по крайней мере, в изложении Вячеслава Глазычева — действительно спокойный и размеренный процесс, где федеральная власть бесстрастно и без ненужных затрат сегрегирует регионы на полезные и бесплозные, пусть даже бесплозных и обреченных на деградацию окажется больше. Та же сегрегация касается и национальных республик и районов: кому-то, как Казани, посчастливилось угодить в число избранных, а второстепенным Владикавказу, Майкопу или Нальчику — не суждено. Но менять в них порядки без особой нужды надобности нет, ибо оторвут сами. Более того, в мусульманских республиках, по Глазычеву, можно легализовать многоженство, а ежели кому охота — как шотландцам, разрешить побаловать декоративной местной валютой. Где нет условий и для этого, останется, надо полагать, фольклорный заповедник, населенный стариками-долгожителями, внуки которых перебрались в «Ганзу». Так тому и быть: в экологическом туризме автор видит будущее многих российских территорий.

«МЕГАПОЛИСЫ СЧАСТЬЯ»

В противоположность депрессивным зонам, к которым предлагается применить принцип «падающего толкни», и без того относительно благополучным городам-«миллионникам» предлагается предоставить новые привилегии. Их содержание автор оставляет за скобками, как и потенциальную реакцию «невезунчиков», и отказ государства от их развития (а вместе с ними — и отказ от таких транспортных звеньев, как Северный морской путь).

Что же именно выиграет «миллионники», и что обретет от «реформы по-ганзейски» само государство? Что именно привлекает автора в 270-летнем опыте успешного существования союза вольных (преимущественно германских) городов? Финансовое могущество купеческого олигархата, позволявшее этому сословию низводить «неудобных» и возводить на трон «своих в доску» германских, датских и шведских королей? Торговые конфликты внутри союза, доходившие до военных действий? Элементарное бесправие не только низшего, но и среднего класса? Если не это, то все-таки что? Посреднические привилегии узкого круга, позволяющие диктовать волю не только собственному суверену, но и близким соседям? Тем соседям, которым мы уже успели внушить если не отвращение, то стойкую глухую неприязнь к нашим сырьевым монополистам, а заодно и к Москве... Надежнее ли станут от этого наши пределы, а вместе с ними и наши реальные внешнеэкономические и соответственно, внешнеэкономические возможности?

Фрагментация событийного ряда в массовом сознании, крайне характерная для безвременья, пагубна тем, что поучительные эпизоды «переходного периода» остаются позади, не оставив почти никаких воспоминаний. А между прочим, как раз дискуссия о Ганзейском союзе, имевшая уже место в начале 90-х годов, интересна для современников.

К ВОПРОСУ О ТОЛКНЕ И ОЛИГАРХИИ

Закоперником той дискуссии был удачливый управленец советской школы Виктор Харченко, возглавлявший петербургскую Ассоциацию промышленников и предпринимателей, а также самое прибыльное в ту пору транспортное предприятие — Балтийское морское пароходство. Продумано было все: и список европейских городов-партнеров, и номенклатура товаров, и оригинальный способ льготного налогообложения. Только в 1993 году Виктора Харченко арестовали. Сам он, по словам одного из товарищей по несчастью, подозревал в своих бедах, лично госсекретаря Геннадия Бурбулиса. За время процесса над Виктором Харченко

пароходство разорилось дотла. Точно так же, как и проект тогдашней Ганзы, ухнули в никуда в те же времена затейные проекты мегарарка-диснейленда и башни с надписью «Петр Великий». Точно так же, как была невозможна в те времена неподконтрольная криминалитету международная торговля, невозможно было и строительство портов в Усть-Луге и Приморске (оба, напоминаю, были запроектированы в девяносто третьем). Ничего вообще, кроме нагромождения привокзальных ларьков, не создавалось во времена, когда народного контроля уже не было, а налоговой полиции еще не было; когда президентская вертикаль занимала деньги у финансовых воротил, которым когда-то доверило недра; когда страна была, а государства не было.

То время, когда рычаги управления не давались в руки, а деньги просачивались сквозь неведомые сита, даже не отправившись по месту назначения, помнит недоброй памятью не только команда Путина, но и четыре миллиона его земляков, которых в девяносто первом было пять миллионов. Помнят и жители близлежащего Новгорода, из которого местные власти тщились сотворить альтернативное «окно в Европу», апеллируя к «историческому опыту» Новгородской республики.

В Новгороде тоже вспоминали о Ганзейском союзе, благо это единственный город, имевший некоторое отношение к союзу преимущественно германских городов-государств. Ничем это Новгороду не помогло, кроме появления у границ города кладбища немецких солдат. Это не значит, что у древнего русского города нет перспектив: они открылись именно сейчас, и напрямую связаны с приходом сюда крупных инвесторов из Москвы и Петербурга. Они есть, поскольку люди отсюда, вопреки объективным закономерностям, не разбежались, а учились выживать в новых условиях. И потому, как и во множестве других невеликих провинциальных центров, не исчез, а напротив, развивается местный рынок сбыта, вместе с ассортиментом производств и услуг, вместе с транспортной сетью, где шоссе стало важнее реки.

А между прочим, многих неразумных трат денег и слов можно было избежать, если говорить о пресловутой «новгородской модели» не полуправду, а правду, сохраненную и в летописях, и в трудах классических русских историков. Например, о хорошо описанном В. О. Ключевским келейно-олигархическом способе принятия политических и хозяйственных решений, которые купеческое сословие затем «выносило на рассмотрение» толпы — народного веча, которое ныне ползают глшащати девяносто первого года преподносили нам как субъект подлинной демократии.

Отнюдь не народ правил свободным Новгородом, а купеческий олигархат, местнические привилегии которого и пришлось в конце XV века крушить железом и кровью. И по ходу дела заключать в темницу весь состав местного ганзейского представительства, представлявшего не только торговый интерес Любека, но и политические аппетиты того самого Тевтонского ордена, который двумя с половиной веками ранее был разгромлен на Нарве Александром Невским.

Очень странно, что через пятнадцать лет после бесшабашного экспериментаторства либеральной клики отброшенная за неприменимостью модель пропагандируется снова. Как будто за это время не произошло коренного, принципиального пересмотра понятия «империя». Как будто профессиональный архитектор не видит в упор, что ганзейское здание, первобытный аналог ВТО, принципиально несовместимо с государственностью. Отдельные авторы считали, что купеческая воляница каким-то образом содействовала возмужанию и укреплению этнического германского духа. Так почему же тогда ганзейский период совпадает с временами наиболее множественной и противоречивой германской раздробленности и наименьшего авторитета и влияния германских князей?

Те же исследователи утверждают, что на всем севере Европы Ганзе была неподконтрольна только Россия, благо не столь жизненно зависела от морской торговли. Можно добавить, что России того времени было выгодно существование Ганзы, благо купеческий олигархат не допуская до царства сильных королей. Не будь Ганзы, в Смутное время на русской территории хозяйничала бы не только польская шляхта с крымскими ханами. Но какой нам смысл заимствовать из чужого опыта самое что ни на есть антигосударственные элементы? Ради чего? Ради уже «равноудаленного» собственного олигархата, который стоило столько времени и сил поставить на место? Ради униженного состояния прочих социальных групп? Ради оставления на произвол судьбы не удостоенных ганзейства «второсортных» регионов? Ради возникновения новых узлов социального беспокорства, помноженного на местническую зависть?

ЦЕНА «ВАЛЮТНОЙ АВТОНОМИЗАЦИИ»

Предложение подарить избранным — не очень понятно, по какому принципу — регионам Вячеслав

Глазычев подкрепляет примером шотландского фунта в Великобритании. Если нас столь привлекает бывшая «царица морей», почему бы сразу не подыскать собственный аналог Ольстера?

Британская традиционность, как и любая другая, является итогом истории государства и народа. Корона вернулась на века после крови, пролитой авторами республиканского проекта. Якобы декоративная валюта, вместе с отнюдь не слабеющей автономистской партией, является наследием не столько этнических амбиций, сколько междинастического соперничества. Бифитеры роятся в погребках Вестминстера перед каждым началом парламентской сессии не просто так, а в память о заговоре Гая Фокса четырехсотлетней давности. Традиции, смеха праздных гостей и осложняя жизнь самих британцев, неземлемы потому, что хранят память обо всех вехах на пути к сложившемуся конституционно-монархическому балансу, найденному не в кабинетной тиши, а в кровопролитных междоусобицах средневековья. Точно так же, как и лондонская «монументальная пропаганда», в которой наравне с королями увековечены помертно обезглавленные Кромвель; столь же не случайно и на века надпись у статуи золотого мальчика в Пай-Корнер напоминает англичанам о том, что Великий лондонский пожар был Господней карой за грех пресыщения.

В нашем же случае предполагается введение альтернативной валюты без ссылки на прошлое и без заботы о будущем — просто так, от нечего делать. Между тем, будь эмиссионный вопрос так прост, как его изображает Вячеслав Глазычев, у нас бы уже было не только российско-белорусское государство, но и полноценный Евразийский союз. Давно введенная единая европейская валюта так и не распространилась на экономически лидирующие государства Европы — Великобританию и Швейцарию. Хотя, казалось бы, какая ерунда — сегодня ввел фунт стерлингов, завтра отменил.

Самые авантюристичные радетели («за нашу и вашу свободу») в самые отепельные, уже текущие времена поздней перестройки, и то не решались требовать отдельной валюты для «освобождаемых» союзных республик. Нужно было пройти через девяносто третий год (в котором региональный сепаратизм внёс весьма существенный вклад), две войны на Северном Кавказе, Норд-Ост и Беслан, чтобы вернуться туда, откуда удалось уйти, слава Богу, относительно малой кровью.

Войны начинаются удивительно легко, чаще всего с расчерка неразумного княжеского пера. Личный каприз отдельно взятого генсека создал на пустом месте проблему Крыма. Валютная автономизация, о которой всерьез говорили «областники» лишь в девяносто втором году, была пресечена на корню легковесным в других отношениях Ельциным. И это был уже не каприз, а реальный страх остаться президентом отдельно взятого Кремля.

Непонятно, для чего нам вторично вступать в самую грязную из тех вод, в которые мы когда-либо вступали. Неужто лишь по той причине, что наши интеллектуальные авторитеты испытывают непреодолимую потребность копировать фрагменты чужого опыта, выбирая притом самые сомнительные из его элементов?

ПРОСТРАНСТВО НУЖДАЕТСЯ В ЭНЕРГИИ

Если бы Петр I, Николай I и Иосиф Сталин вместо послевоенного отстраивания городов, ремесел и инфраструктуры доверялись «объективным закономерностям» — развалилось, ну так тому и быть — быть бы месту и Москвы, и Петербурга сегодня пуста.

Поверхностное отношение к крови, которой в возрастающей прогрессии обошлось и избавление от монголо-татар, и изгнание наполеоновской армии, и разгром Гитлера, стало общим местом отечественной прессы в конце 80-х и уже никого не задает — кроме тех, разумеется, кого это коснулось лично. Однако на восстановленных жилых домах (включая некоторые из потенциально «ганзейских»), заводах, дорогах и посевах тоже остался след общенационального подвига, который как раз не успел смыться ни годами, ни пертурбациями политики. На каждую бочку крови приходилось по сто бочек последующего пота. Если слово «труд» выброшено из нашего лексикона вместе с марксистской политэкономией, можно сказать иначе и сильнее: речь идет о результате человеческих жизней. «Закрывать» обезлюдившие регионы, оставить в запустении строения, остовы заводов и силуэты едва отстроенных церквей, означать публично помножить на ноль результаты тысяч и тысяч жизней, списать в утиль ранее влитую в них энергию — как раз в то время, когда душа этих регионов, как в воздухе, нуждается в новой энергетике.

Мобилизовать эту энергию, поднять ее из груди разрозненных и ежедневно неразумно растрачиваемых ресурсов человеческого труда на самом деле можно. И этот процесс, инициированный сверху, должен начинаться с декларации после-

военного положения. Мы вышли из войны, и слабым нужна помощь сильных. Способ организации может быть различным, как и их определение (хотите, позамысливайте термин «общественными работами» из опыта преодоления Великой депрессии в США). Вовлекаться могут в том числе и мигранты, и лица, отбывающие наказание — тем более что высшей формой исправления является созидательный результат, то несомненное, зримое и необходимое, что останется потомкам.

МЫ ЛУЧШЕ, ЧЕМ КАЖЕМСЯ СЕБЕ САМИ

Проект разреза России по срединному волжскому шву, как помнится, был последним, что я прочел в девяносто первом году в журнале «Век XX и мир». После чего как отшибло — я перестал читать властителей дум, поскольку над моими думами они более не властвовали. Подозреваю, что то же самое произошло с миллионом моих соотечественников.

Впрочем, более точным следует датировать крах перестроечной публицистики все-таки сентябрем девяносто первого года, когда серия популярных книг, начавшаяся сборником «Иного не дано», завершилась логически последней компиляцией под титулом «Погружение в пучину». Может быть, готовились и другие компиляции прогрессивных авторов, но читатели уже разбежались.

Вся суть этого разрыва рефлексивной интеллигенции с народным сознанием укладывается в одну строчку немудрящей песни — «а не спешит ли нас хоронить».

Те, кто нас хоронил, оказались похороненными сами. Верно, как мне представляется, и обратное: тот, кто захочет родить нас заново, должен вначале родиться сам, безжалостно отрезав все пуговины, доставшиеся от перестройки, — от теоретизации статистики а-ля Селюнин и Ханин до натуралистического объективизма в жанре фильма «Маленькая Вера». А до той поры не выйдет властитель дум из самого образованного претендента в пророки.

Нераскрытый секрет нации состоит в том, что мы лучше, чем кажемся сами себе. Как это работает, как устроена машина личного, общинного и регионального самовосстановления (естественник назовет это регенерацией), одному Богу известно. Впрочем, не наше дело лезть в промысел Божий. Кто скажет созвучную миллионам сердец правду на всем понятном русском языке, того да услышат. И тогда можно будет всех статистиков отправить на пенсию, благо их калькуляции объективных обстоятельств будут востребованы не больше, чем перестроечные публикации Селюнина и Ханина в 1996 году, или республика в Лондоне в 1669-м, в году бесславного самороспуска немецкой Ганзы.

ПОЧЕМУ НАМ УДАЛОСЬ ВЫЖИТЬ?

Ни крымские ханы, ни польское войско, не говоря уже о монголо-татарах, не имели представления об экологии и даже о туризме. Тогдашний понятийный уровень человечества не позволял задумываться о рекреативных излишествах: заезжался — слетела голова. Но вот психология рабов — как раз то, на что рассчитывает любой захватчик. А житель «территории экологического туризма» — по определению раб, поскольку весь смысл его существования состоит в прислуживании прихотям астрономически более состоятельных пришельцев из чужих земель и культур, — двуногих существ более высокого сорта.

Помнится, во второй половине 90-х, после повторного избрания Ельцина, в подлинность которого по понятным причинам верили не все, на множестве лиц моих сограждан крупными буквами было написано отчаяние и неверие в собственное будущее, и особенно болезненно — в будущее детей. Но это состояние не было рабским — ибо многие тогда сопротивлялись перспективе создания колониального общества и вопреки объективным закономерностям материальной выгоды, до последнего не оставляли затухающие производства и полуживые преподавательские и исполнительские коллективы.

Русские выжили потому, что тихо и повсеместно сопротивлялись, и не оставляли надежд; потому, что не плыли по течению; потому, что не забывали родных, оставленных без зарплат и пенсий в экономически истощенной провинции; потому, что продолжали строить тогда, когда все, казалось, было обречено на гниение и слом. И шпильки разорванные пространства силой собственной, будто удвоившейся энергии.

А Канада и Австралия были и оставались от нас астрономически далеко, с глубоко неинтересными изысками поданных британской короны — благо упомянутые территории не настолько принадлежат сами себе, чтобы мы на них оглядывались.

Константин Дымов

Закат страны восходящего солнца

Почему нам стоит задуматься над причинами краха «японского экономического чуда»?

ЧТО СТОИТ ЗА ПРИТОКОМ КАПИТАЛА?

С началом нового века Россия втянулась в кредитно-биржевую спекулятивную горячку.

После мирового кризиса 2000–2001 годов, самого острого во всей послевоенной истории, на западных биржах не удалось снова раздуть «фондовый пузырь»: инвесторы стали осторожнее. Зато российские биржевые индексы с 2000 года выросли где-то раз в 50 или 60! Рост цен на углеводороды и цветные металлы, приток в страну «нефтедолларов», укрепление в связи с этим рубля вызвали чрезвычайный рост курса российских акций (преимущественно – нефтегазодобывающих и металлургических компаний, а также банков) и индексов российских бирж.

Так и возник нынешний «инвестиционный бум» – грандиозный приток в страну иностранных инвестиций, который, вроде бы, должен невиданно поднять экономику России, но на деле представляет собой приток фиктивного, чисто спекулятивного капитала.

Сегодня мировую капиталистическую экономику лихорадит. Мир застыл в ожидании новой рецессии. Прогнозы даются самые мрачные. Ситуацию пока как-то удерживают или менее держать под контролем, благодаря вмешательству центральных банков и других регулирующих органов, благодаря колоссальным финансовым вливаниям. Однако все эти меры лишь оттягивают неминуемый грядущий обвал мировой экономики. Последствия же его могут быть очень тяжелыми. Российская экономика пока, вроде бы, «держится». Индекс РТС давно уже не растет, но и не падает особо, колеблется где-то у отметки «2000». Нефть продолжает дорожать, чуть ли не ежедневно побивая рекорды. И все это, очевидно, вызывает радужный оптимизм у конъюнктурных экономистов. Но разве в эпоху глобализации экономической кризис может обойти хотя бы одну страну, втянутую в мировой рынок? Разве такая объективная и неустраиваемая закономерность капиталистической экономики, как циклический приход разрушительного кризиса перепроизводства, на территории РФ не действует?

ПОЧЕМУ ЛОПНУЛ «ЯПОНСКИЙ ПУЗЫРЬ»?

Чем чревато «раздувание пузыря», к чему оно может привести, хорошо видно на горьком примере Японии.

Длительный кризис японской экономики, из которого она не может выйти до сих пор, начался после того, как в начале 90-х лопнул ее «финансовый пузырь».

Предыстория такова. В середине 1980-х годов огромное положительное сальдо Японии в торговле с США и Европой стало источником острых конфликтов («торговых войн»). Под нажимом своих «партнеров-конкурентов» Японии пришлось пойти на повышение курса иены (сентябрь 1985 года), а также на переориентацию промышленности на внутренний рынок и поощрение потребительского импорта (тогда был отменен ряд протекционистских ограничений). Курс иены поднялся с 200,5 за доллар в 1985 году до 135,4 иены в 1990-м (заметьте: сейчас

курс рубля к доллару тоже неуклонно повышается). Дорогая иена ухудшила конкурентные позиции японских экспортеров, но зато стимулировала накопление и вывоз капитала. Заграничные инвестиции японских компаний сразу выросли с 6,5 до 48 млрд долларов в год!

Именно в те годы Япония сделала крупнейшим мировым кредитором, а также крупнейшим держателем американских ценных бумаг. Кстати, точно так же сейчас российские финансово-промышленные группы скупают активы за рубежом, а само государство накопило огромный золотовалютный резерв, состоящий почти целиком не из золота, а из заграничных бумаг.

Итак, укрепление национальной валюты стимулировало вывоз капитала. Как пишет в книге «Японская экономика вчера, сегодня, завтра» Е. Леонтьева, японские производители автомобилей и электроники переводили свои сборочные мощности в Северную Америку и Западную Европу, а производством комплектующих (впоследствии и сборку массовых изделий) – в Юго-Восточную Азию. В Японии заговорили об «опустошении» или «вымывании» национальной промышленности.

Там же указывается, что продукция зарубежных филиалов еще в 1985 г. не превышала 3% от объема продаж материнских компаний на внутреннем рынке, а в 1996 г. дошла уже до 11,6%. Инвестиции в зарубежное производство достигли 36–37% от объема внутренних инвестиций в среднем по промышленности. В экспортных же отраслях – намного больше: в производстве электронных компонентов и микросхем – свыше 79%, в автомобильной промышленности – свыше 60%.

Укрепление иены привело к усиленному накоплению капитала, росту курса акций и безудержному расширению кредитования, чему способствовала дешевизна кредита. Причем – как это обычно бывает в наше время – средства вкладывались банками не столько в производственные мощности, сколько в спекулятивные сделки с акциями и недвижимостью (скажите мне, что у нас не так!). В конце 80-х годов квадратный метр земли в Токио доходил в цене до 50 тысяч долларов. Под недвижимость с многократно завышенными ценами брались огромные кредиты.

«Финансовый пузырь» набухал в течение 1986–1990 годов, а затем он, как водится, с треском лопнул. Индекс Токийской биржи Nikkei в последний день биржевой торговли 1989 года достиг рекордных 38915 пунктов и в первый же день 1990 года пошел вниз, дойдя в августе 1992 года до 14309 пунктов. Резко упали стоимость акций и цены на землю. Всего рыночная цена совокупных финансовых активов (акций и земли) снизилась более чем на 1000 трлн иен, что равнялось ВВП Японии более чем за два года!

Кстати, замечу, что сейчас индекс Nikkei снова опустился где-то до 13000, и еще, как говорится, не вечер... Про рекордные же 38915 пунктов японские дельцы теперь не могут даже мечтать.

Поскольку немалая часть вложенной в земельные участки и ценные бумаги финансировалась банковскими кредитами, обесценивание этих активов привело к появлению невозвратных долгов на колоссальные суммы. Оттого еще в середине 90-х годов произошло разорение крупных банков. И, что очень пока-

зательно, прогремело несколько громких афер, связанных с утаиванием банками и другими компаниями сведений о своем финансовом состоянии. Так, банк «Хего», обанкротившийся в 1995 году, показал только 1/24 часть своих долгов. Из-за этих махинаций оказалось подорвано доверие к финансовой отчетности, аудиту и корпоративному управлению крупных корпораций и банков, к государственному надзору за финансовыми учреждениями – и это очень серьезно.

Об упадке японских банков, состоявшемся в 90-х годах, убедительно говорят следующие данные: если в 1994 году доля Японии в суммарной рыночной капитализации пятидесяти крупнейших банков мира составляла 63,5%, то в 1998 году (всего через четыре года!) – лишь 8,5%. В общем, японская банковская система получила такой удар, опроститься от которого она не может и по сей день.

РАЗВИВАТЬ НЕ СПЕКУЛЯТИВНУЮ, А РЕАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ

История конца «японского экономического чуда» должна быть весьма поучительна для нас. Это лишний пример в пользу того, что нужно развивать реальную, и в первую очередь, высокотехнологичную, инновационную экономику, направленную на повышение качества жизни народа, удовлетворение потребностей людей, – а не ударяться в биржевую игру и спекуляции с целью заграбления сверхприбылей.

Надо строить заводы и фабрики, оснащенные современной техникой, создавать технополисы, поднимать научный и образовательный потенциал страны, а не заниматься «раздуванием пузыря» и пропагандистским словоблудием, «делая деньги из ничего». Пока японцы шли по первому пути, Япония была самой динамично развивающейся страной в мире. Но когда Япония (по законам развития современного паразитического-спекулятивного капитализма) свернула на второй путь, она получила сокрушительный удар и вступила в полосу застоя.

Пережив финансовый коллапс, японская экономика с тех пор практически не развивается, и самые энергичные меры, предпринимаемые правительством, чтобы «подтолкнуть» ее, ничего не принесли.

Пытаясь «раскрутить» экономику на полные обороты», японский Центробанк целых шесть лет (!) держал учетную ставку на уровне 0% (прописью – ноль процентов, т.е., по сути, деньги раздавались даром!) и лишь в 2006-м поднял ее до 0,25%. Но и это мало помогло. Правда, прошлый 2007 год выдался для Японии «успешным» – рост ВВП в 3,5%, но разве можно эти жалкие 3,5% оценить как успех?

Зато в результате обильных «денежных вливаний» в экономику страны задолженность японского правительства уже в 1999 году достигла 100% ВВП, а общий японский госдолг (если учесть облигации префектур и муниципалитетов) – 130% ВВП! Даже понижение кредитных ставок японским центробанком до нуля не побудило промышленников заняться расширением производства. Постоянные бюджетные ассигнования на постройку стадионов, автострад и других объектов «инфраструктуры» – которые и вызвали рекордную задолженность (составьте с постройкой олимпийских объектов Сочи и т.п.) –

являются лишь паллиативными мерами и не могут продолжаться бесконечно. Так же, как наркоман привыкает к наркотику, японская экономика привыкает к этим вливаниям средств, зависит от них и требует еще большей дозы в следующий раз, но не становится от этих лекарств здоровее. Теперь вместе с погашением и выплатой процентов по государственному долгу дошли уже до 43,6% расходной части бюджета.

Это – тузик. По словам экономиста И. Накатани, «бюджетный кризис уже теперь стал настолько серьезным, что общий объем облигаций, выпущенных для его покрытия, достиг 240 трлн иен. Это означает малую вероятность дальнейшего увеличения числа и масштабов государственных проектов, что заставит многие фирмы отказаться от опоры на них». Иначе говоря, государству придется – не от хорошей жизни – отказаться от поддержки «своих» фирм, что усугубит кризис. А еще ему придется, чтоб обеспечить пенсии растущее число стариков (напомню: Япония – самая «старая» страна в мире) и обслуживать непомерный госдолг, повышать налоги... Или же – чтоб не утяжелять налоговое бремя, тем самым ухудшая инвестиционный климат в стране, – пойти на приватизацию университетов, больниц и почты – т.е., проводить «крайне непопулярные реформы». Экономические проблемы заставили парламент Японии принять на 2006/2007 финансовый год бюджет, в котором расходы были сокращены – причем почти по всем статьям – на 3%. Вот почему «...многих японцев приводят в уныние явления, наблюдаемые ныне в японском обществе. Кое-кто даже впадает в отчаяние» (И. Накатани. Как трансформировать японскую экономику).

Конечно, в Японии раздувание «спекулятивного пузыря» происходило в иных условиях и при действии иных факторов, нежели сейчас в России. Однако результат, скорее всего, будет примерно тем же – плачевным. И в Японии конца 80-х, и в США 90-х с их бумом интернет-экономики, и в сегодняшней Америке, увлекшейся жилищным кредитованием, – всегда «раздувание пузыря» заканчивалось, и будет всегда заканчиваться грандиозным и скандальным крахом. С подобной же проблемой может в любой момент столкнуться и Россия, которая, вопреки заверениям конъюнктурных экономистов, гораздо слабее, гораздо зависимей от внешних обстоятельств, и потому ее «похмелье» после «спекулятивной пьянки» грозит быть куда более тяжким.

Под власть маньяков

Если деградацию не остановить - цивилизации конец

Часть 1.

Что происходит? НАШЕСТВИЕ ПЕДОФИЛОВ

За такой разгул насилия логично было бы все руководство «правоохранительных органов» отравить в отставку, потребовать к ответу их главного начальника (гаранта нашей безопасности). У нас же предложена безумная мера: наказывать родителей, оставивших детей без присмотра (законопроект готов).

Ловить маньяков трудно и опасно. Ловить и штрафовать родителей — легко.

Ссылаются на заграничные примеры: мол, в Швеции, в Германии и т.д. запрещено оставлять ребенка дома одного до 13 лет. Но шведы, немцы и другие европейцы боятся оставить детей одних дома, а мы боимся оставить их на улице. Важная разница! Они не хотят оставить ребенка наедине с телевизором и лекарствами. А мы — с маньяками, которые нам мерещатся уже в каждом подъезде. Кроме того, в Европе не боятся своих полицейских, а наши граждане (это подтверждают все соцопросы) боятся «ментов» больше, чем бандитов.

А главное: никто не пытается понять, откуда такой стремительный рост именно этой преступности, ведь грабежи и кражи, если и растут, то на проценты. А «в 26 раз» — это 2600 процентов.

Не поняв причину, пытаются лечить следствие. ***

Мальш во второй половине XX века в Швеции ежедневно и подолгу оставался без присмотра (поэтому Карлсон к нему и повалился). Книжка всемирно популярна; в ней ни слова о том, что полиция наказала родителей Мальша.

Автор этих строк во второй половине XX века в России целыми днями был без присмотра. В черные зимние вечера брал санки, шел от Таганки к Андроньевскому монастырю и там часами катался от монастырской стены вниз к Яузе.

Всего лет 15 назад родители боялись, что ребенок заблудится, угонит. Но что в родном городе, в подъезде родного дома его изнасилуют и изуродуют — этого страха не было.

В 26 раз за шесть лет — это взрыв. С такой скоростью даже мыши не мутируют. Человек не изменился со времен Адама. Родители не могли ухудшиться в 26 раз за шесть лет. Причина, значит, не в них, не в плохом присмотре. За шесть лет не сменились поколения. Люди те же самые.

Что меняется с такой скоростью? Только техника. Точнее — электронная техника. В данном случае — число телеканалов и их качество. Телепрограммы стремительно становятся грязнее и грубее, летят в бездонную пропасть. На экранах количество педофилов-маньяков увеличилось за эти годы бесконечно (либо был ноль).

Телевизор подробно показывает очередную растерзанную жертву, подробно рассказывает, как именно мучил ее маньяк, и объясняет, что так поступать плохо. Кому телевизор это говорит? Нормальных людей не надо уговаривать, они и так этого не делают. Но у экрана не только нормальные.

Ставить перед алкашом стакан водки — и рассуждать о пользе трезвости... Показывать тигру кролика — и рассуждать о добре... А тигр не видит милое, невинное, пушистое существо. Тигр видит поживу и пускает слюну.

КТО ВЫПУСКАЕТ ТИГРОВ ИЗ КЛЕТКИ?

Общество способно меняться с огромной скоростью. Всего за шесть лет (1933–1939) культурные немцы превратились в зверей.

Это озверение не было случайным, его запланировали и сделали. Гитлер никогда не прикидывался гуманистом. Вот фрагменты его программы: «Образование калечит людей... Сознание приносит людям неисчислимые беды... Я хочу, чтоб моя молодежь была как дикие звери...».

И немцы стали людоедами. Это с ними сделала убогая (по нынешним меркам) пропаганда — газеты, радио, митинги. С таким инструментом, как телевизор, результаты тем более гарантированы.

Деградация нашего общества реальна. Факты всем видны.

Мат. Мужчины и подростки ругались матом всегда. Но только в последние годы матом стали говорить девочки. И между собой, и с мальчиками, и в присутствии взрослых. Не проститутки, не лимита из бараков, а девочки из обеспеченных семей — с четвертого класса, а то и раньше.

Открытое пьянство. Подростков всегда тянуло к спиртному, как тянет их все запретное. Но только в последние годы подростки начали пьянствовать открыто. Среди бела дня. Школьники и школьницы пьют и курят, совершенно не стесняясь взрослых, — в скверах, на детских площадках, в метро. Взрослые не делают им замечаний.

Рост сексуального насилия. Это и доказывать не надо. В каждом выпуске новостей...

РАСТЛИТЕЛЯ ВЫЗЫВАЛИ?

Жуткая статистика (в 26 раз за шесть лет) — это данные 2007 года.

Что же случилось шестью годами раньше — в 2001-м?

Именно тогда на центральных телеканалах появились передачи о педофилах-маньяках. Словесные осуждения сопровождался кадрами жестоких издевательств, смакованием подробностей.

Осуждение это было или стимуляция маньяков? Даже если авторы действовали из самых благих побуждений, они мостили дорогу в ад. Ясно же, что показ таких вещей неизбежно ведет к росту насилия, к увеличению продаж детского порно.

После первых таких программ я опубликовал статьи о необходимости немедленного введения моральной цензуры на ТВ. Передача Аркадия Мамонтова «Обратная сторона» начиналась с формального предупреждения: «Прежде чем вы начнете смотреть эту программу, уберите от телевизора детей!» А через несколько секунд на экране появлялся маньяк, который избивал плетью голого связанного восьмилетнего мальчика.

Искреннее предупреждение или приманка? Кто это может убрать детей за несколько секунд? Особенно если речь не о грудных, а о 10–15-летних. А если родителей нет дома? А если телевизор в комнате у ребенка? А если включили через секунду после предостережения?»

В фильме рассказывалось, где продается детское порно, сколько стоит, как спросить продавца... Студенты журфака по моей просьбе отравились на разведку. Предположения, увы, подтвердились. После передачи продавца порнокассет выросла втрое.

Не прошло и месяца — на федеральном телеканале пошли анонсы: «По просьбе телезрителей повто-

ряем передачу...». Ни статьи, ни обращение к руководству канала не помогли. Остановить повтор не удалось. Не удалось и узнать, кто же эти люди, которым захотелось еще раз посмотреть на такое?

Передачу по моей просьбе посмотрели специалисты — психологи и психиатры. И в дополнение к статье были напечатаны их профессиональные заключения. Вот некоторые фрагменты:

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ №1

...Программа насыщена шокирующими психотравмирующими изображениями истязаний детей в процессе совершения с ними патологических гомосексуальных, садистских актов... Вопрос о степени отрицательного воздействия передачи на зрителей может быть разрешен при производстве судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы в случае возбуждения уголовного дела.

Директор Московского областного центра социальной и судебной психиатрии, заслуженный врач РФ, канд. мед. наук Г.К. Дорофеев.

Руководитель психологической лаборатории, доктор психологических наук, академик В.В. Гульдан.

К сожалению, для возбуждения уголовного дела нужен потерпевший. Значит, некие папа с мамой должны обратиться в прокуратуру с жалобой, что их ребенок пострадал от телередачи, получил психическую травму. А это значит, что будет назначена экспертиза. Ребенка начнут мучить: что он видел? что чувствовал? что именно и как именно его напугало? какие именно кадры? что там происходило?.. В результате дело может ничем не кончиться, но ребенок с гарантией получит еще большую травму.

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ №2

1. Демонстративный морализаторский комментарий примитивен и невыразителен как по смыслу, так и интонационно, эмоционально. Видеоряд явно избыточен. Например, начальные кадры избития ребенка занимают слишком много времени. Реакция отвращения и ужаса у нормального человека развивается через 1-2 секунды просмотра. Затем у зрителя могут включиться механизмы психологической защиты. Например, идентификация себя не с ребенком, а с насильником; любопытство и так далее. Если просьбы зрителей о повторе передачи действительно были, они вызваны пробудившимися низкими инстинктами, а не желанием понять «глубокий» смысл передачи.

2. Демонстрация детского порно по Центральному телевидению приводит к тому, что люди с так называемыми пограничными психическими состояниями, невротиками, некоторые типы психопатов станут осознанно потребителями детского порно. Для них сам факт показа по ТВ означает доступность, разрешенность собственных подавляемых устремлений...

3. Многократный показ процедуры покупки детского порно с тщательными инструкциями, примитивность смысла передачи, гипертрофированность видеоряда приводят к мысли, что это слабо закамуфлированная реклама дет-

ского порно.

Кандидат психологических наук Холмогорова В.М., доктор биологических наук Седов А.Е., врач-психиатр Илюшенко С.В.

Первый раз это кино о маньяках (для маньяков?) показали в восемь вечера, повторили — в десять.

Время детское. Поэтому я спросил специалистов: «С какого возраста можно смотреть такие передачи?»

Ответ был неожиданный:

- Ни с какого.

- И взрослым нельзя!?

- Никому нельзя. Психическая травма от таких сцен возникает иногда быстрее, чем за секунду, и остается на всю жизнь. Ребенок — нежная душа — заикается, плохо спит, начинаются вспышки агрессии... Это тот самый посттравматический синдром, что получают солдаты на войне. У американских ветеранов — вьетнамский синдром, у наших — афганский, чеченский. Симптомы всюду одинаковы: плохой сон, кошмары, тяга к спиртному, вспышки агрессии.

Так же уязвима и нравственность. Она воспитывается годами, а разрушается иногда мгновенно.

...В Италии по ТВ прошла программа о борьбе с детским порно. Там была 7-секундная цитата из мамонтовской передачи о педофилах. Уволили всех, кто пропустил это в эфир. наших телевизионщиков за это не увольняют, а награждают: «Смотрите, какой потрясающий рейтинг!»

Итак, маньяки вылезли на экран в 2001 году. Сцены, которые тогда шокировали, теперь норма. Сегодня показывают сцены и похлеще.

Битцевский маньяк не 1-2 секунды, а часами по всем телеканалам рассказывал, как убивал, как прятал трупы, как гордился собой, какое получал удовольствие. Вся Россия получала уроки.

Такую тварь лучше вообще не показывать. А уж если показываешь, ее вид должен вызывать рвоту отвращения. Но наше ТВ сделало так, что он вызвал не отвращение, а любопытство. Таинственный, роковой, коварный, беспощадный герой. Да, отрицательный, но герой экрана. Сколько слабых душ почувствовало бессознательное восхищение, сколько психопатов захотело попробовать — неизвестно...

(Продолжение следует)

Александр Дюков Как бандеровцы с Гитлером поссорились

История с «переходом ОУН на антинемецкие позиции» — один из ключевых мифов современных апологетов бандеровщины. Он обычно пускается в ход в ответ на обвинения в сотрудничестве с нацистскими спецслужбами. «Да, сотрудничали, — хором отвечают в ответ украинские политики и публицисты. — Но сотрудничали недолго. Вскоре после провозглашения 30 июня 1941 г. во Львове «Украинской державы» во главе с Ярославом Стецко, недовольные немцы арестовали и Стецко, и Бандеру. И отправили их в концлагерь. После этого ОУН(Б) перешла на антинемецкие позиции и стала бороться с оккупантами». В украинской прессе даже называется точная дата ареста Бандеры — 5 июля 1941 года.

Проблема заключается в том, что на самом деле ничего подобного просто не было.

Дело обстоит следующим образом:

30 июня 1941 года вошедшая вслед за немецкими войсками во Львов походная группа ОУН(Б) под руководством Ярослава Стецко провозгласила «возобновление Украинской державы». Расчет оуновцев был предельно прост: несколькими месяцами раньше, во время нападения Германии на Югославию, под германским контролем было создано «независимое государство Хорватия». Почему же теперь нацистам не признать столь же марионеточной «независимой Украины», во главе с лидерами Организации украинских националистов?

Бандеровцы уже видели себя у власти и приступили к уничтожению «нежелательных элементов». Сформированная ОУН(Б) украинская милиция вместе с частями немецкой айнзатцгруппы устроили массовые еврейские погромы во Львове и Злочеве. Убиты были тысячи человек; начали разворачиваться также гонения на поляков. В несение начальника полиции безопасности и СД от 18 августа 1941 года ситуация описывается следующим образом: «Украинская милиция не прекращает разорять, издеваться, убивать... Поляки привязаны к евреям и от них требуют носить повязки на руках. Во многих городах украинская милиция создала такие подразделения, как «Украинская служба безопасности», «Украинское гестапо» и т.п.»

Однако проблема была в том, что никакой «независимой Украины», пусть даже номинальной, нацисты создавать не собирались. Украина

должна была стать колонией Третьего Рейха. Поэтому и Стецко, и Бандеру немецкие власти задержали и объяснили, что ни о какой «независимой Украине» речь идти не может. Ярослав Стецко, судя по его автобиографии, даже подвергся непродолжительному аресту: его арестовали 9 июля, а 16 июля освободили.

Тут важен факт: недовольство лидерам ОУН(Б) немецкое руководство выразило, а вот в концлагерь сажать не стало. Значимым наказанием стало решение «Абвера» прекратить поддержку украинских националистов. Об этом Бандере в августе 1941 года сообщил курировавший его сотрудник дивизионного отдела «Абвер-П» Эрвин Штольце. «Когда я на встрече с Бандерой объявил ему о прекращении с ним связи, он очень болезненно реагировал на это, так как считал, что его связь с нами рассматривается как признание его в качестве руководителя националистического движения», — рассказывал он впоследствии. Интересно, что согласно показаниям Штольце, в качестве предложения для разрыва был использован факт присвоения Бандерой крупной суммы полученных от Абвера денег. «Бандера в 1940 г., получив от «Абвера» большую сумму денег для финансирования созданного подполья в целях организации подрывной деятельности, пытался их присвоить и перевёл в один из швейцарских банков, откуда они нами были изъяты...»

Тем не менее, ОУН(Б) продолжала заявлять о поддержке нацистских властей. 1 августа 1941 года Ярослав Стецко призвал украинцев «помогать всюду Немецкой армии разбивать Москву и большевизм». Аналогичный призыв был издан им 6 августа.

Решение Стецко нашло полную поддержку у руководства ОУН(Б) на Западной Украине. В августе краевой проводник (руководитель) Организации украинских националистов И. Климов «Легенда» издал инструкцию № 6, в которой, в частности, приказывалось:

«На всех домах, стенах, заборах и т.д. надписи: *«Да здравствует Украинская самостоятельная соборная держава. Да здравствует Ярослав Стецко! Освободить Бандеру! Освободить Стецко! Не хотим, чтобы на Украину возвращались польские и жидовские господа и банкиры! Смерть москалям, полякам, жидам и прочим врагам Украины.»*

Да здравствует Адольф Гитлер! Да здравствует Немецкая армия! Да здравствует наш Ортскомендант!»

***

Аналогичные материалы появились в контролируемой бандеровцами прессе. «Украинский народ знает, что Организация украинских националистов под руководством Степана Бандеры ведет несгибаемую героическую борьбу за его свободу и независимость, за землю и власть для него, за его свободу, счастливую, государственную жизнь без колхозов и помещиков, без москалей, жидов, поляков, комиссаров и их террора, — говорилось в одном из августовских номеров газеты «Кременецкие вести». — Украинский народ также знает, что освободиться из московско-жидовского ярма помогла ему Немецкая армия. Она громит красных московских захватчиков — и потому ОУН сотрудничает с Немецкой армией и помогает ей и призывает к этому всех украинцев».

***

Как видим, переходить на «антинемецкие позиции» бандеровцы не собирались даже после провала акции с провозглашением «Украинской державы». Однако в Берлине недовольство «группой Бандеры» нарастало. 13 сентября глава РСХА Гейдрих подписал директиву об аресте руководства ОУН(Б):

«Члены группы Бандеры с некоторого времени развернули особую активность с целью добиться самостоятельного украинского государства всеми средствами. Они призывают в широком развернутой пропаганде жителей Галиции и украинское население в области операций не только против немецких распоряжений, но также и к устранению своих политических противников...»

Репрессии со стороны немецких властей стали для бандеровцев тяжелым ударом, однако надежда на возрождение сотрудничества у них оставалась. В официальных документах ОУН, таких как «Инструкция к проведению в жизнь целевой деятельности ОУН» от сентября 1941 года и обращении краевого провода ОУН(Б) к украинским националистам от ноября 1941 года, нет ни одного антинемецкого лозунга. Более того — 9 декабря ОУН(Б) в меморандуме на имя А. Розенберга вновь предложила нацистам свои услуги. «Большевистская Москва оставила на Украине много тай-

ных агентов, — говорилось в меморандуме. — Они, так же как и посланные позднее, стараются вызвать враждебные настроения к украинскому национальному делу и к Германии. Разоблачение и обезвреживание этих агентов является задачей большой важности. Без подробного знания местности, без связи с местным населением нельзя успешно решить эту задачу в краткие сроки... Для решения этих задач необходимо создание сильной службы безопасности, которая привлечет местные и национально-сознательные и безупречные элементы, и будет сотрудничать с соответствующими немецкими структурами. Националисты с радостью примут участие в организации и работе такой службы безопасности».

***

Однако нацисты сотрудничать с «группой Бандеры» не собирались. Более того: 25 ноября 1941 года айнзатцкомандой «С-5» был отдан приказ о тайных расстрелах бандеровцев: «Все активисты бандеровского движения должны немедленно арестовываться и после тщательного допроса должны быть без шума ликвидированы под видом грабителей».

Действия нацистских властей в буквальном смысле слова вынудили перейти ОУН(Б) на антинемецкие позиции. Однако на деле бороться с оккупантами бандеровцы все равно не собирались. В приуроченном к первой годовщине «провозглашения Украинского государства» обращении ОУН(Б) от 30 июня 1942 года программа действий была сформулирована следующим образом: «Мы не ведем сегодня народ на баррикады, не идем в физический бой с новыми хозяевами Украины [нацистами — А.Д.] за завоевание территории. Нашим первым врагом является все-таки Москва...».

Как видим, за «переход ОУН на антинемецкие позиции» следует благодарить исключительно нацистское руководство. Оно буквально выпихало бандеровцев в подполье, не обращая внимания на громкие заверения в преданности.

Впрочем, через несколько лет ОУН(Б) и нацистские спецслужбы снова стали тесно сотрудничать. Но это уже совсем другая история.

a-dyukov.livejournal.com

В издательстве Язуа вышла новая книга Игоря Пыхалова и Александра Дюкова «Великая оболганная война - 2»

«Наши враги — и внешние, и внутренние — покушаются на самое святое — на народную память о Великой Отечественной войне. Нас пытаются лишить Великой Победы. Вторя геббельсовской пропаганде, псевдоисторики внушают нам, что Победа-де была достигнута «слишком дорогой ценой», что она якобы обернулась «порабощением Восточной Европы», что

солдаты Красной Армии будто бы «изнасиловали Германию», а советских граждан, переживших немецкую оккупацию, чуть ли не поголовно сослали в Сибирь. Враги приравнивают Советский Союз к нацистскому Рейху, советских солдат — к фашистским карателям. И вот уже от нашей страны требуют «платить и каяться», советскую символику запрещают наравне с на-

цистской, а памятники воинам-освободителям в Восточной Европе под угрозой сноса... Но нам не за что каяться! Эта книга — отповедь клеветникам, опровержение самых грязных, самых лживых мифов о Великой Отечественной войне, распространяемых врагами России».

Спрашивайте в книжных магазинах.

Газета
«Точка Ру»

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соб-

людием законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издается с января 2007 года. Выпуск №14. Печать офсетная. Объем 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239. Подписано к печати по графику 15.07.2008 в 8:00 по факту 15.07.2008 в 8:00. Отпечатано ООО «ФОН» г. Киров ул. Шорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов. Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@rossii.ru